

НАТАЛЬЯ БЛИЩ

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
(Шэньчжэнь, Китай)

ORCID 0000-0002-3147-9099

e-mail: blishch@list.ru

**МОТИВ СТРАДАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ
В РОМАНЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ
«ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА (ХРОНИКА БУДУЩЕГО)»**

**THE MOTIF OF SUFFERING AND NATIONAL IDENTITY IN
THE NOVEL “CHERNOBYL PRAYER (A CHRONICLE OF THE
FUTURE)” BY SVETLANA ALEXIEVICH**

Abstract

The existential problem of the unfair and tragic fate of the Belarusian nation, historically prepared for sacrifice and patience, the author analyzes on the basis of Svetlana Alexievich's novel "Chernobyl Prayer". The writer creates a collective image of an eternally suffering people deceived by the government, people with a consciousness disfigured by the state propaganda, a nation humiliated by the indifference or superiority of more successful nations. A peculiar combination of journalistic and artistic strategies with the maximum use of the catharsis effect (and these are Dostoevsky's style strategies) allows the writer to demonstrate the post-apocalyptic Chernobyl worldview of Belarusians.

Keywords: complex of suffering and sacrifice, documentary evidence, artistic technique, existential anxiety

В 2015 году Нобелевская премии по литературе была присуждена Светлане Алексиевич – белорусской писательнице, пишущей на русском языке и известной своими произведениями, созданными в жанровой форме художественной документалистики (в современном литературоведении чаще используется англоязычный термин non-fiction). Как сказано в решении Нобелевского комитета, главной

литературной премии мира Алексиевич была удостоена «за многоголосое звучание ее прозы и увековечивание *страдания* и мужества» (курсив автора статьи). Формулировка решения вполне конкретна: ведущими достоинствами творчества писательницы названы «многоголосие» (использование реальных свидетельств множества людей) и тематизация страданий, через которые жители Советского Союза и постсоветского пространства прошли в последние десятилетия XX и начале XXI века.

Присуждение премии белорусской писательнице заметно укрепил на литературной карте мира культурный статус Беларуси. Белорусская интеллигенция ликовала, а вот российская писательская среда отреагировала на решение Нобелевского комитета сдержанно. В многочисленных интервью и выступлениях в социальных сетях это решение нередко объяснялось прежде всего политическими причинами: новый Нобелевский лауреат – смешанной украинско-белорусской генеалогии¹, хотя и пишет по-русски, что в современном геополитическом контексте можно интерпретировать как не вполне дружественный жест в адрес России, для которой достижения в области культуры всегда составляли предмет национальной гордости (в числе русскоязычных Нобелевских лауреатов до С. Алексиевич, как известно, – пятеро писателей с мировой известностью: И.А. Бунин, Б.Л. Пастернак, М.А. Шолохов, А.И. Солженицын и И.А. Бродский).

Тем не менее достоинства прозы С. Алексиевич признаются большинством русскоязычных писателей, более того, сами эти достоинства объясняются наследованием в ее творчестве традиций русской литературы и одновременно *отражением глубинного самосознания этнических белорусов*: белорусская «прививка» к русской литературно-языковой традиции привела к ярким художественным результатам.

Интерес Светланы Алексиевич к жанру non-fiction возник после знакомства с Алесем Адамовичем². Этот белорусский советский

¹ Родилась С. Алексиевич, как известно, в Ивано-Франковске (Украина) в семье военного. Ее отец – белорус, а мать – украинка. Позже семья переехала в Беларусь, на родину отца, где родители работали сельскими учителями. Закончила факультет журналистики Белорусского государственного университета, начинала работать учителем, а потом журналистом в Гомельской области.

² В 1954 - 1962 гг. А. Адамович работал в Институте литературы имени Янки Купалы АН БССР. Доктор филологических наук (1962). В 1962–1966 гг. преподавал в МГУ имени М.В. Ломоносова курс белорусской литературы. С 1967

писатель стал сочетать в пределах одного текста журналистский репортаж, документальные свидетельства и элементы вымысла (художественные фрагменты). В 1987 году Алесь Адамович закончил сценарий для художественного фильма *...Имя сей звезде Чернобыль*, который был одобрен кинокомпанией Columbia Pictures, но по неизвестным причинам фильм не был запущен в производство. Именно А. Адамович, с которым молодая тогда С. Алексиевич была дружна, стал для нее главным творческим наставником.

С. Алексиевич продолжила делать ставку на запись живых голосов и документальных свидетельств, на синтез «человеческих документов» и монтирование из них обобщающих литературных полотен, она активно взялась за антивоенную проблематику. Внутренние сюжеты ее книг строятся на монтаже разноголосых, годами подбирившихся свидетельств о крупнейших исторических событиях, принесших народу самые большие травматические испытания, – от Великой Отечественной войны (*У войны не женское лицо*, 1983) – до войны в Афганистане (*Цинковые мальчики*, 1994), от катастрофы на ядерной электростанции в Чернобыле (*Чернобыльская молитва*, 1997) – до постсоветских ментальных и общественно-политических трансформаций жизни (*Время секонд хэнд*, 2014). Таким образом, во всех книгах писательницы лейтмотивом звучит тема безмерного страдания белорусского народа во второй половине XX века.

Внешне авторская позиция С. Алексиевич состоит в намеренном абстрагировании от всего национального, этнически конкретного. Однако на стилевом уровне очевидны проявления у персонажей ее книг («свидетелей истории») особой «пограничной» ментальности, которая была присуща многим героям прозы Ф.М. Достоевского. Жизнь бедных людей, остро переживающих свою бедность, униженных и оскорбленных, мотивы нравственного преступления и самонаказания, – все эти тематические компоненты прозы автора *Преступления и наказания* на новом материале и в новых исторических обстоятельствах воспроизводятся в книгах Светланы Алексиевич. При этом многоголосые «криминальные истории» Достоевского, преобразованные им в философские романы, обретают в прозе Алексиевич новый облик – форму эпического по масштабу и трагического по содержанию «хорового» документального свидетельства.

по 1987 год вновь работал в Институте литературы им. Я. Купалы АН БССР. В 1987-1994 гг. – директор Всесоюзного НИИ кинематографии в Москве.

Сама писательница часто подчеркивает свою любовь к Ф.М. Достоевскому, он, безусловно, ее подлинный литературный отец. Вот характерная цитата:

Встречаются потрясающие рассказчицы, у них в жизни есть страницы, которые и в романах *моего любимого Достоевского* не часто встретишь. Чтобы человека так закрутило, и чтобы так ясно он увидел себя сверху — с неба, и снизу — с земли³.

Прием Алексиевич – рассказать историю страдания так, чтобы читатель при знакомстве с этой историей испытывал не меньшее страдание, чем персонаж.

Владимир Набоков в *Лекциях по русской литературе* назвал в числе стилевых примет Достоевского стилевой синкретизм – сочетание журналистских стратегий с элементами мелодраматической сентиментальности и религиозной экзальтацией. Основной сюжетный прием Достоевского, с точки зрения Набокова, – «поставить героя в унижительное положение и извлечь из него максимум сострадания»⁴. В книгах Алексиевич непридуманные герои, одержимые идеей рассказать неприукрашенную правду, помещены в настоящую кризисно-катастрофическую сюжетную рамку – мировой войны, чудовищной техногенной аварии, тектонических геополитических изменений.

В книге *Чернобыльская молитва (хроника будущего)* Алексиевич устами историка-очевидца указывает на источник своих художественных решений: «Чернобыль – это тема Достоевского. Попытка оправдания человека»⁵. Именно эта книга сделана с максимальным пафосом и с использованием всего арсенала приемов Достоевского: обнажение ситуации унижения, нагнетание примеров человеческого страдания, исповедальные сентиментальные монологи, и особенно действенный прием – повторяющийся мотив детских слез (этот прием действует безотказно!). В композиции книги использован монтаж, что дает возможность сгущения, концентрации высказываний, позволяет автору избегать ораторских речей, резонерства и мудрствований всезнающего автора.

³ Светлана Алексиевич: *У войны не женское лицо*. URL: <http://lib.ru/NEW-PROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt> Дата доступа 25.04.2021.

⁴ Владимир Набоков: *Лекции по русской литературе*. Москва 1999, с.177.

⁵ Светлана Алексиевич: *Чернобыльская молитва (хроника будущего)* https://mir-knig.com/read_361781-5 Дата доступа 25.04.2021.

Заметим, кстати, что писатель и журналист Игорь Волгин в книге *Последний год Достоевского* специально фиксирует тот факт, что предки классика были выходцами из белорусско-украинских земель⁶, и даже приводит наблюдение современника Достоевского, описавшего его так:

На эстраду вышел небольшой сухонькой мужичок, *мужичок захудалой белорусской деревушки*. Мужичок зачем-то наряжен в длинный черный сюртук⁷.

«Эффект Достоевского» – своеобразное соединение журналистских и художественных стратегий – заметен не только в творчестве С. Алексиевич, но и в других произведениях украинских и белорусских писателей. Общность исторических трагических судеб белорусского и украинского народов обусловила заметные тематические переключки в художественной литературе. Темы преступления и наказания, вины и предательства звучат в повести Евгена Гуцало (украинского писателя-сценариста) *Из огня воскресли (З вогню воскресли, 1976)*, составленной из документальных и человеческих свидетельств о жизни сел Полесья в период фашистской оккупации. Эти свидетельства случайно выживших людей о карателях и полициях обработаны автором с большим пафосом.

В 1981 году появилась книга В. Яворивского *Вечные Кортелисы (Вічні Кортеліси)*, в которой на основе документальных материалов и свидетельств чудом выживших очевидцев рассказывается о трагедии Волынского села Кортелисы. В сентябре 1942 года немецкие и украинские нацисты (бандеровцы) расстреляли 2875 жителей села, из них – 1620 детей, 715 домов сожгли дотла. Пафос авторского негодования проступает весьма отчетливо.

В 1991 году появилась книга Юрия Щербака *Чернобыль (Чорнобиль)*. Книга представляет собой своеобразный хор (монтаж) голосов тех, кто был очевидцами чернобыльской трагедии: простых крестьян, пожарных и солдат, военных специалистов, ученых-ядерщиков и крупных советских чиновников. По жанру книга ближе к документально-художественному расследованию причин и последствий ава-

⁶ Игорь Волгин: *Последний год Достоевского*, с.153. Князь Пинский в 1506 жалует Даниле Иртишу село Достоево, откуда и пойдет род Достоевских. См.: Михаил Волоцкой: *Хроника рода Достоевского*. Москва 1933. Напомним, что отец Ф.М. Достоевского в 1809 г. покинул Малороссию, чтобы поступить в Медико-хирургическую Академию в Москве.

рии, а композиция книги – своеобразная реконструкция развития аварии (первая глава – об устройстве реактора РБМК-1000, вторая – о предчувствиях накануне, третья – о самой аварии, а потом глава, состоящая из дневниковых записей одного из персонажей, и заключительная часть – об эвакуации).

«Вот уже три года я живу и болею Чернобылем, стараюсь постичь причины аварии и ее последствия, постоянно думаю о героях и преступниках Чернобыля»⁸, – пишет Юрий Щербак в предисловии. В «Интервью автора с самой собой...», выполняющем функцию предисловия в книге *Чернобыльская молитва* Светланы Алексиевич, встречаем противоположное:

Меня интересовало не само событие: что случилось в ту ночь на станции и кто виноват, какие принимались решения, <...>, а ощущения, чувства людей, прикоснувшихся к неведомому. К тайне. Чернобыль – тайна, которую нам еще предстоит разгадать⁹.

Стилевая тональность книги Юрия Щербака не эмоциональна, нейтральна, богата терминологией и фактическими событиями:

Выделение энергии сдвинуло 1000-тонную защитную крышку реактора и привело к тому, что были срезаны все каналы охлаждения по обеим сторонам активной зоны реактора. Через 2-3 секунды был услышан второй взрыв, и горячие куски реактора были выброшены из разрушенного здания. Разрушение реактора обеспечило доступ воздуха, который, соответственно, привел к горению графита. Авария привела к тому, что часть горячих кусков графита и топлива была выброшена на крыши расположенных вблизи зданий¹⁰.

Это звучит, как отчет специалиста или как скупая информация историка события.

Светлана Алексиевич, как верная ученица Достоевского, те же события подает предельно эмоционально, с нагнетанием мотива страдания, всегда глазами очевидцев:

Самого взрыва я не видела. Только пламя. Все, словно светилось... Все небо... Высокое пламя. Копоть. Жар страшный. А его все нет и нет. Копоть от того, что битум горел, крыша станции была залита битумом. Ходили, потом вспоминал, как по смоле. Сбивали пламя. Сбрасывали горящий графит ногами... Уехали они без брезентовых

⁸ Юрий Щербак: *Чернобыль*. URL : <https://knigogid.ru/books/1132994-chernobyl/toread> Дата доступа 25.04.21.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

костюмов, как были в одних рубашках, так и уехали. Их не предупредили, их вызвали на обыкновенный пожар...¹¹

Сбивчивая речь, короткие предложения, имитация прерывистого дыхания – все это дает эффект подлинности, что важно для текстов Алексиевич.

Рассказывая о первых пожарных, которые работали на кровле реактора и погибли от острой лучевой болезни, Юрий Щербак использует стандартный журналистский прием:

Герой Советского Союза лейтенант Владимир Павлович Правик.
Герой Советского Союза лейтенант Виктор Николаевич Кибенок.
Сержант Николай Васильевич Ващук.
Старший сержант Василий Иванович Игнатенко.
Старший сержант Николай Иванович Титенок.
Сержант Владимир Иванович Тищура.
...Шесть портретов в черных рамках, шестеро прекрасных молодых парней смотрят на нас со стен пожарной части Чернобыля, и кажется, что взоры их скорбны, что застыли в них и горечь, и укоризна, и немой вопрос: как могло такое случиться?¹²

Эффект достигается приемом крупного плана: шесть портретов представлены полным именованием погибших с точным указанием их воинских званий и упоминанием посмертных наград. Финальный авторский комментарий кажется излишним, потому что о трагических вещах лучше говорить предельно просто, автор в такой ситуации должен умолкнуть перед трагической самоочевидностью факта.

В книге Светланы Алексиевич *Чернобыльская молитва* эти же события представлены по-другому. Здесь нет никакой панорамы, никаких перечислений званий и должностей. Книгу открывает история трагической судьбы Людмилы Игнатенко, жены погибшего пожарника Василия Игнатенко. Принципиально важно, что использован женский взгляд – с его фиксацией на мелких подробностях:

Шесть наших ребят... Пожарников... Из одной смены... Они все дежурили в ту ночь: Ващук, Кибенок, Титенок, Правик, Тищура. В магазине купила им всем зубную пасту, щетки, мыло. Ничего этого в больнице не было. Маленькие полотенца купила¹³.

¹¹ Светлана Алексиевич: *Чернобыльская молитва (хроника будущего)* https://mir-knig.com/read_361781-5 Дата доступа 25.04.2021.

¹² Юрий Щербак: *Чернобыль*. <https://knigogid.ru/books/1132994-chernobyl/toread> Дата доступа 25.04.21.

¹³ Светлана Алексиевич: *Чернобыльская молитва (хроника будущего)* https://mir-knig.com/read_361781-5 Дата доступа 25.04.2021.

Героиня вспоминает о том, что случилось с ней самой, что она переживала в больнице, когда пыталась как-то помочь уже умирающим от острой лучевой болезни пожарникам.

Рано утром еду на базар, оттуда к своим знакомым, варю бульон. Все протереть, покрошить... Кто-то просил: “Привези яблочко”. С шестью полулитровыми баночками... Всегда на шестерых! В больницу...¹⁴.

Важна здесь точно отобранная психологическая деталь: в ситуации тяжелейшего стресса героиня продолжает готовить еду:

А я все-таки ухитрялась варить бульон. Ставила кипяtilьник в стеклянную банку... Туда бросала кусочки курицы... Маленькие-маленькие... Потом кто-то отдал мне свою кастрюльку, кажется, уборщица или дежурная гостиницы. Кто-то - досочку, на которой я резала свежую петрушку¹⁵.

Эта деталь – лишенный практического смысла бульон – становится обобщающим символом любви и заботы, позволяющей преодолеть беспросветное страдание. Усиливает эффект параллельная экспрессия телесной разъятости в описаниях сцены умирания мужа:

Поднимаю его, и у меня на руках остаются кусочки его кожи, прилипают <...> Подниму его руку, а кость шатается, болтается кость, тело от нее отошло... Кусочки легкого, кусочки печени шли через рот...¹⁶.

Экзистенциальная тревога о несправедливой трагической судьбе народа, о бессмысленной жертве, о напрасном подвиге и бесконечном страдании пронизывает большинство частных свидетельств в книгах С. Алексиевич. Воссоздается образ народа, обманутого неясными целями государственной машины, оскорбленного равнодушным благополучных европейских соседей. Это образ вечно страдающего народа. Мальчики, обманом отправленные в Афганистан, возвращаются запаянными в цинковых гробах, а если живыми, то совершенно лишними людьми. Обманом отправленные в Чернобыль ликвидаторы последствий аварии повествуют о мнимом героизме бессмысленных действий, о том, как сначала мыли крыши домов, а потом сносили все подворье в карьер и засыпали землей. Военные, приказом брошенные в зону отчуждения, вынуждены отстреливать брошенных и одичавших собак – немых жертв катастрофы. Завершаю-

¹⁴ Там же

¹⁵ Там же

¹⁶ Там же

щий книгу *Чернобыльская молитва* хор детских голосов – это короткие истории детей, умирающих от лейкемии, истории о родительской боли и отчаянии, о вечном страхе и обреченности.

«Белорусы – чернобыльский народ. Чернобыль стал нашим домом, нашей национальной судьбой. Это уже наше мироощущение»¹⁷, – констатирует Алексиевич. Постапокалиптическое Чернобыльское мироощущение белорусов – самая актуальная тема в современной белорусской литературе (Альгерд Бахаревич *Шабаны*, *Собаки Европы*, Виктор Мартинович *Сфагнум*, *Озеро радости*, Адам Глобус *Сучаснікі* и др.).

В мировом политическом дискурсе Беларусь нередко интерпретируется как край, на долю которого выпали особенно драматические испытания. В собирательном образе народа в книгах С. Алексиевич комплекс страдания и жертвенности нарочито подчеркнут. У белорусов он формировался веками. Причины тому – окружение более активных и воинственных народов, стремившихся завоевать легкодоступные равнинные земли, а также черта оседлости и мировоззренческое влияние самого страдающего из народов – евреев. В романе белорусского писателя Ивана Мележа *Люди на болоте* помимо исторических причин страдания людей, живущих на болотах, затронуты и биологические проблемы – правда, под видом мифологических. Болота ассоциируются с «нехорошими» местами, аномальными зонами, где обитает всякая «нечисть». Причиной фантазий и галлюцинаций людей является болотный газ, который и вызывает эти видения, чувство паники и безотчетного страха, болезненной религиозности с легким оттенком мистицизма.

В прозе С. Алексиевич наглядно проступают все признаки виктимных (связанных с чувством страдания) качеств белорусского народа, проиллюстрированы психологические особенности людей, исторически склонных к жертвенности и терпению. В книге *Чернобыльская молитва* во вступлении «От автора» прямо сказано о страдании как экзистенциальной основе жизни современников (при этом писательница не отделяет себя от читателей, используя местоимение «мы»): «Кто мы? Наша история – это история страдания. Страдание – наш культ. Наше убежище. Мы загипнотизированы им»¹⁸.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Светлана Алексиевич: *Чернобыльская молитва (хроника будущего)* https://mir-knig.com/read_361781-5 Дата доступа 25.04.2021.

REFERENCES:

- Aleksievich S. *U vojny ne zhenskoe lico*. URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt> Data dostupa. 25.04.2021. (Алексиевич С. *У войны не женское лицо*. URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt> Дата доступа 25.04.2021.)
- Aleksievich S. *Chernobyl'skaya molitva* (hronika budushchego) URL: https://mir-knig.com/read_361781-5 Data dostupa 25.04.2021.
- Nabokov V.V. *Lekcii po russkoj literature*. Moskva 1999 (Набоков В.В. *Лекции по русской литературе*. Москва 1999)
- Shcherbak YU. N. *Chernobyl'*. <https://knigogid.ru/books/1132994-chernobyl/toread>. Data dostupa 25.04.21. (Щербак Ю. *Чернобыль* <https://knigogid.ru/books/1132994-chernobyl/toread>. Дата доступа 25.04.2021)